

Специфика публично-правовых фикций

Ильина Елизавета Васильевна

Аспирант

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

E-mail: Lizzz777zzz@mail.ru

Юридическая фикция, еще со времен римского права прочно вошедшая в правовую традицию как средство юридической техники, при помощи которого заведомо не существующее положение признается существующим, и наоборот, широко используется и в современном праве - не только в частном, но и в публичном. При этом использование публично-правовых фикций имеет свою специфику, обусловленную как принципами и особенностями публичного права, так и конкретными целями государства на том или ином этапе исторического развития. Однако фикциям в публичном праве, на наш взгляд, в научной литературе уделено недостаточно внимания.

Как известно, публичное право - совокупность отраслей, регулирующих отношения, связанные с обеспечением общего (публичного) или общегосударственного интереса. В публично-правовых отношениях стороны выступают как юридически неравноправные, а одной из таких сторон всегда выступает государство либо его орган (должностное лицо), наделенное властными полномочиями. Поэтому предписания публичного права не могут быть изменены соглашением частных лиц. По справедливому замечанию Б.Н. Чичерина, в публичном праве "верховным определяющим началом является не воля отдельного лица, а польза целого, которой подчиняются интересы членов" [5]. Во все времена фикции в публичном праве самым прямым образом следовали известной формулировке римского юриста классического периода Ульпиана: «Публичное право имеет в виду пользу (благо, интересы) государства («ad statum rei romanae spectat»)» [4]. Г.Ф. Шершеневич, исследуя проявление юридической фикции в различные периоды истории, утверждал, что с точки зрения публичного права теория фикции есть теория абсолютизма. «Она выступает в тот исторический момент, когда складывалась теория абсолютной монархии» [3].

Так, еще в римском праве фикции зачастую олицетворяли собой произвол государства, а также использовались государственной властью для реализации тех или иных политических решений. К примеру, в законе консулов Папия и Попея с целью стимулирования римских граждан к вступлению в брак и рождению детей было наложено ограничение на возможность наследования имущества: мужчины (в том числе, вдовцы) в возрасте от 25 до 60 лет и все женщины, а так же вдовы от 20 до 50 лет обязаны были состоять в браке и иметь детей, состоящие же в браке, но не имеющие детей, могли получить только треть наследства. Для того чтобы не считаться бездетным, мужчине достаточно было иметь одного ребенка, женщине - троих детей, вольноотпущеннице - четырех. И следует согласиться с О.А. Курсовой в том, что в данном случае фикция использовалась в качестве средства выражения абсолютной власти, служила безотказным инструментом в руках государства для воплощения политических решений [1].

С течением времени, несмотря на изменение самой сути государства, его целей и ориентаций, в использовании фикций мало что изменилось. В современном праве юридическая фикция применяется не только при регулировании собственно частно-правовых и публично-правовых отношений, но и - в ряде случаев - для придания наиболее значимым частно-правовым отношениям публичного характера. При этом характер такого использования позволяет утверждать, что публично-правовая фикция позволяет обеспечить преимущественно интересы государства как господствующего субъекта, устанавливающие

го правила игры, порой в противовес интересам частных лиц. И если в таких отраслях, традиционно относимых к публичным, как уголовное и экологическое право, фикция в целом способствует гуманизации и защите интересов всего общества, то, к примеру, в современном конституционном и избирательном праве юридическая фикция часто граничит с произволом государства и "менее желательна, чем частном праве, где фикция является чаще всего следствием либо обычая, либо социального соглашения" [1].

Так, рассматривая юридическую фикцию в качестве приема законодательства о свободе собраний и практике его применения, современный российский исследователь С.В. Симонова отмечает, что юридическая фикция задает тон как формулированию законодательных положений в области свободы собраний, так и практике их реализации, поскольку при помощи юридической фикции производится, например, отнесение мероприятий с непублично-правовой природой (религиозных мероприятий, флеш-мобов и т.д.) к публичным мероприятиям [2]. Несмотря на то, что законодательный перечень форм, которые могут быть использованы организаторами для проведения публичных мероприятий, - закрытый, на практике - в целях правоприменения - данный исчерпывающий перечень расширяется, что, в свою очередь, приводит к признанию правоприменителем наличия у гражданина законодательно не предусмотренной обязанности заявлять о проведении мероприятия с очевидно непублично-правовой природой в качестве публичного, а в дальнейшем часто ведет к применению мер ответственности за нарушение законодательства о публичных мероприятиях. «Это представляется опасным не только по причине размывания границ области применения законодательства о публичных мероприятиях, но и нарушения прав и законных интересов участников массовых акции, третьих лиц» [2]. Автором отмечается негативное влияние указанной юридической фикции на содержание права граждан на проведение публичных мероприятий и, в частности, на беспрепятственную реализацию правомочий выбора формы и места проведения акций.

Таким образом, публично-правовую фикцию можно определить как императивное заведомо не существующее положение, признаваемое существующим, и наоборот, используемое в наиболее значимых с точки зрения государства отношениях с целью обеспечения общего (публичного) или государственного интереса. Следует подчеркнуть, что юридические фикции являются весьма действенным средством для обеспечения публичного интереса в той или иной особо значимой сфере, а потому должны использоваться в полном соответствии с принципами и «духом» той или иной отрасли права, не допуская привнесения публично-правовых элементов в отношения между частными лицами, поскольку публично-правовая фикция исключает возможность свободного определения сторонами содержания правоотношения и предполагает одностороннее властное воздействие одного из участников отношения на другого, что обуславливает возможность злоупотребления со стороны управомоченного лица, реализующего тот или иной государственный интерес.

Источники и литература

- 1) Курсова О.А. Фикции в российском праве. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
- 2) Симонова С.В. Юридическая фикция как прием законодательства РФ о свободе собраний и практике его применения // Актуальные проблемы конституционного права России и зарубежных стран. 2014. No. 3 (40). С. 330-341.
- 3) Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Учебное пособие в 2-х томах. Т. 2. М., 1995.
- 4) Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. М, 1994.
- 5) Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005.